

Владимир Щелканов

ЗВЕЗДНАЯ ЗАПОВЕДЬ

На какой-то незримой
земле
Я себя ощущать
перестану.
Перестану стихами
болеть,
Заземлю двухметровую
рану.
Каждой клеткой исчезнет
в глуши
Материк расхристованной
плоти.
Но останется космос души
В приспорожденном
щедром полете.
И как чувства —
из Млечных ковшей —
Как слова, что желанны
повсемь.
Застучат телеграммы
дождей:
«Поздравляю с Весной,
че-ло-ве-ки!
То не зори в набат
зазвенят,
Не шпенечные рати.

Дождь последними
буквами тонет.
И звучит у меня
на ладонях
Героический
посткришум:
«Задыхаюсь! Душа —
в былом
Верю свято! И в том
отрада.
Вы воздвигните
братственный дом
Нерушимого Града!»
Мы воздвигнем
Братственный Дом
Нерушимого Града.

1984 г.

Кто-то бродит в округе
запущенной.
Кто-то грезит цветами и
грозами.
И адыкает сугробом
простуженным
с белым жаром
изверженный воздух.
Кто-то в двери и окна
стучится.

Поэзия природы.

Фото А. ДРУГОВА

Аз есмь звездная наша
родня.
Мои сестры и братья.
Мы единого неба страна
От потопа земного.
Аз есмь витязи с
Бородина
И полки с Куликова.
Всем народам у ног
тиранов
Послышу решимость и
драке.
Аз есмь Ода
взаправедным ранам
И вагя кровь
Нагасаки.
Символ смерти
невозвратных холм.
Символ мозоль
на ладонях у жищцы,
В миллион миллион
омм —
Противление
Братской
Пшеницы.
Прибыл из бедны
И вновь возвращаясь
назад.
Меч серпом поборов
Символ проклятья
и пытки.
Рим! —
войзвещающий кастрат!..
Миг! —
цветение детской
улыбки!...
В травном шуме,
в березовых скрипах

Ну, а выйдешь по двор
с хворостною —
Лишь поземка уныло
струится.
Как ручей, убеленный
сединами.
Но заря, словно птица
гад крышею,
Вдруг засветится ярко
и весело.
Вдруг, как чаша весов,
заколышется
на деревьях пернатая
сененость.
Вдруг повеет
проглянувшей почвою.
И га порчах куста
рафинадного
С каждым днем все
острей и короче
отражение дерев
молонадное...
Но, пьяная от солнечной
дружбы,
Жарким роздыхом
спови с морозами —
Кто-то бродит в округе
запущенной...
Кто-то грезит цветами и
грозами...
1983 г.

ТРЕВОГА

Памяти отца
Средь громких побед
и крушений,

Как вечности краткий
зевон —
Зияющих зорь
раскоденые
С востока плывет
на восток.
Темнеют древнейшие дали,
Звонит мандариновый
круг.
Постойте!
А вы не встречали
Апреля ушедшего плуг?
Постойте!
А выгои брандспойтом
Не бился о ваше окно?
Довольно ж!
Постойте! Постойте!
Ведь май уж давно!...
Ведь столько ветров
перепего!
А верой своею храним,
Вернется из Летница
лето
И все отшумевшее с ним.
Вернется! Вернется!
Но все же
Как дорог тот перевал,
Где лист с увядающей
кожей
И птиц пилигримных
нимвал...
Как страшно сквозь
космос столетий
Воскресную чашу испить.
Воскреснем на желтом
рассвете,
Да кому-то будет
ответить,
И некого будет спросить!
1983 г.

МОЛОДОСТЬ

Повесет меня воля
из душего
Расквартирного схимного
холлика
Грохотать амфибрашными
пушками.
Расходиться хорейными
колямами...
Как содвется на силушку
силушка!
Как вскровавится буйная
вольница!
Да воспримет меня не
могилашка,
А заметнет океанская
солница.
Вот тогда-то на гребнях
судьбынушки,
В жарком роздыхе
образной осьмушки
Вдруг потянет
бродягу-детинушку
К захоластной изустной
«Рибинушке»...
Как взыграется в сердце
кровинушка!
За «Дубинушкой» грянет
«Лучинушка»
А за ней и мол
«Пупоинушка»!
«Эх! да там,
в неприглядном местечке,
Замирая в осенней глуши,
Д-начивается славная
речка.
Д-чистой струйкой
русской души!»
1984 г.

1984 г.

Анна Черкасова

СТАЛЬНЫЕ ГЕНЫ

Я время все
не делал:
На «до»
И «как»
Родился...
А ведь всего-то мянши
был.
Которым
Подвинулся...
С тех пор я сам —
земная глушь,
Храпанная
Уборно
Стальные гены
отчих душ,
Врастающие в зерна,
И чей металл таит вину?
Француз?!
Или немца?!
Взорвался дед, а ходит
внук
С осколком мины
в сердце!...
1983 г.

В золотом листопаде
брожу,
Где поминутых гнезд
разоренье.
Я — Весна! И на осень
гляжу.
Как папан,
ободравший колени...
Мне не жаль прооблезлых
кустов
И сорок на сыром
частокле.
Наломал я в дорожные
дров.
Гой ты, ветер —
молодецкая доля!
По-весеннему выпустил
птиц
Из грудной фосфоритовой
«стри» —
Улетели, вернулись и...
ни.
Как бемолники боли
на ветке.
Пронесет —
равнодушно скажу.
Лишь бы не было спесв
и лени.
Я — Весна!
И на осень гляжу.
Как папан,
ободравший колени...
Пусть и чуб мой,
как тень на снегу.
Пусть в сердце зайдется
овечкой.
Столько дров:
Неужель не смогу
Растопить в непогодину
печку?!
1983 г.

Люблю вокзалов
душных суету
И гулкий говор залов
ожиданья.
И неизбежность нашего
свиданья.
И душ разъединенных
месту
Люблю дороги,
неизбежность их,
Когда стучат
усталые вагоны,
И зародившийся в купе
полночный стих.
И поутру — промокиние
нервнов...
В простой или сложной
жизненной судьбе
Мне невозможно жить
без понимания.
Жить — без надежды,
Жить — без состраданья,
Жить без того, чтоб
помнить о тебе.
И верить в то, что
окончания нет
Тому, что любишь,
что судьбой зовется...
Лишь детский глаз увидит
ясный свет —
И детский голос в сердце
отзовется.

Земля раснет до первых
холодов,
И укачет ветер
перелески.
А в огороде,
надевши подвески,
Кусты кичатся
яркостью обнов.
Не предвещает
ничего снегов.
И августа наряд, увя,
не вечен.
Но бабочки полет еще
беспесен,
И весел гомон птиц и
бестолков...
Мне грустно чуть,
канья уже готова,
По ней зима узоры
заведет.
Так по моей судьбе,
как по основе,
Твоей судьбы нить
тонкая пробыдет.
Символ циферблата лето
утекло...
А я всю жду — и верю
— повторится
Тот день, где пели тихо
половицы
И мокрый лист мне бился
о стекло.
Ах, нахнут травы!
Беспечален зной.
И свет, сколькая, ложится
на открытку.
Но ящик пуст — как
долго он пустой!
И только ветром хлопает
калитку...

Сегодня мы представляем творчество двух членов городского литературного объединения Анна Черкасова — работница Дворца пионеров и Владимира Щелканова. Прежде об Анне. Стихи ее достаточно поэтичны, мягки по интонации, наполнены дыханием романтики и жизнеутверждающего оптимизма. Надеюсь, что слово молодого автора найдет живой отклик в душе читателя.

Если Анна Черкасова делает только первые шаги в поэзии, то Владимир Щелканов — автор уже известной не только беловскому читателю. На него обратили внимание в областном центре, и уже не секрет — Владимир будет дебютировать на следующем областном семинаре молодых литераторов.

ЩЕ ГОД назад мы знали его как автора простых тихих строчек с осенними подголосками. Теперь же это мощный эмоциональный напор, который как артезианский источник пробивается из доисторических глубин и достигает «высоты Вселенной», преломляясь через сердце поэта. Автор невелик. Он в единой ипостаси, где слилось прошлое и будущее. Нет Человека — нет Ничего. Таково сегодня лицо современного мира перед угрозой термоядерной катастрофы. «Сохранить мир, все мы братья по солнцу» — такова основа философско-этической линии В. Щелканова.

Не секрет, стихи очень сложны для понимания. Но они сложны не из-за боязни быть традиционным, а из-за того, что каждое стихотворение — способ познания мира, не только мира окружающего, но и мира своего себя. Ибо невозможно познать мир, не познавая себя. И эти прямые бесконечны, а корни — в глубоком прошлом, в единой точке зарождения мира и жизни. Исходя из этой концепции, написаны стихотворение «Звездная заповедь». «Аз есмь звездная наша родня...»

Применение церковно-славянского «Аз есмь» (я есть) гармонично вписывается в композицию, как бы акцентуируя внимание на идеальности и глубине извечного. Вообще-то диапазон избранных средств у В. Щелканова довольно обширен. Не чужды ему гротеск, гиперболы, наглядность и даже перевертыши: «Рим — воинствующий кастрат! Мир — цветение детской улыбки». Удачно применяет автор аллитерацию, иверсия, обращается к жанру фольклора и т. д. Задушно, как бы на едином дыхании выдвинулась его былина «Молодость»:

«Д-начивается славная речка,
Д-чистой струйкой
русской души!»
Подобный прием (начало слов через д) — поэтический находка для молодого, подающего надежды поэта.
Достаточно глубоко по смыслу и оригинально сделано стихотворение «Стальные гены». Тема вечная — память о войне, нитопая заложена в хлебе. Именно хлеб — символ нитопы, добра и справедливости, постоянная нравственная категория — обязана, по мнению автора, вести связь между поколениями:
Взорвался дед,
а ходит внук
С осколком мины
в сердце.
Пусть несколько нежданно,
но зато глубоко и верно.
Знаю несколько вариантов этого стихотворения (Владимир долго над ним работал, и

и уверен, что оно даст ему имя), но и последний, на мой взгляд, не совсем удачный. Надеюсь, что автор еще поработает над ним и обойдется без лишней абстракции. Ведь подобные вещи не совсем уместно «зашифровывать». Вспомним, как сказал Пабло Неруда, обойдась без всяких аллегорий:

Крова детей лилася...
Просто, как кровь детей.
Стихи В. Щелканова, представленные здесь, различны по жанру и по теме. О каждом можно долго спорить, но ясно видна в них забота на его будущее.
Стихотворение «Тревога», написанное сплошным медитативным напевом, может показаться кому-то малопонятным, но чувства тревоги не нуждаются в подстроичном переводе. Ее необходимо прочувствовать и пережить. Вспомним знаменитое А. Вознесенского «Я — Гой!».

Когда мне задают вопрос, почему не пишу просто и доступно, я вижу в вопрошающем потребительский вкус читателя. Стихи В. Щелканова — не развлечение, а размышление о жизни, о слое назначении в этой жизни. Каждая строка несет в себе поток ассоциаций. И хорошо, если они заставят читателя задуматься над прочитанным. Читатель и поэт обязаны идти в ногу со временем. Ну, а в остальном случае — дело вкуса.

«Кто-то бродит в округе запущенной...» Не трудно догадаться, об этом писали всегда и все по-разному. По-своему написал об этом Владимир. С некоторой долей мистицизма, но в целом — хорошо. Хотя «спорча кусна рафинадного» — оставляет желать лучшего (это у него снег). И совершенно немислимо: «отражение дерев колонадное» да еще на «порчах». Так или иначе, строфа эта лишняя, и здесь справедливо можно недоумевать: для чего это написано!

Решено в интересной интонационном плане произведение: «В золотом листопаде брожу». Все это говорит о том, что автор может на высоком профессиональном уровне писать в традиционной манере.

Я на уполномочен определять уровень одаренности В. Щелканова, но то, что он поэт, и поэт с перспективой, безусловно. В заключение хочется пожелать ему дальнейших творческих успехов, более бережного обращения с словом. Володя идет трудной и правильной дорогой сложности, углубленности, поиска новых форм, имя которому — новаторство. И представленные здесь стихи — итог его работы в новом качестве.

В. КОВРИЖНЫХ,
машинист Бачатского
ПТУ, член литобъедине-
ния «Приток».